

Алексей Викторович Полубота родился в 1975 году в Мурманске. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Автор трех поэтических сборников. Стихи и проза печатались в ведущих литературных изданиях страны: «Север», «Наш современник», «Берега», «Волга-21 век», «День Литературы» и др. Лауреат литературных премий им. Д. Кедрина «Зодчий», им. С. Есенина «О Русь, взмахни крылами...» и ряда др. Награжден медалью им. М. Шолохова Союза писателей России. С 2018 г. Секретарь Союза писателей России. Живет в Реутове (Подмосковье).

Алексей Полубота

РИФМЫ ПОД ГРОХОТ КАНОНАДЫ

(История одной поездки в Донбасс)

Казалось бы, что писателю делать на современной войне? Ведь подавляющему большинству людей сегодня нужны мгновенные видеосвидетельства о происходящем, а не горячие, рожденные под грохот канонады художественные строки. Это во времена Великой Отечественной войны простые и проникновенные произведения Константина Симонова, Александра Твардовского, Павла Шубина и многих других поэтов и прозаиков доходили до самого сердца миллионов бойцов, мотивировали их стойко сражаться с врагом. А сейчас? Да, интерес к современной литературе в обществе искусственно занижен. Но про себя лично и некоторых знакомых мне читателей могу сказать, что искреннему слову писателя, когда правда пульсирует между строк, зачастую веры больше, чем интернет-ролика, многие из которых на поверку оказываются фейками. Не говоря уже о глубине проникновения в происходящее. Кроме того, знаю по своему опыту восьми лет поездок на воюющий Донбасс, что именно там, где люди находятся нередко между жизнью и смертью, внимание к серьезному чтению, к осмыслению через него происходящего, увеличивается. И люди, испытавшие на себе, что такое война, ждут близкого им по духу слова от писателей-единомышленников.

Понимая это, не мог я не поехать весной этого года в разгар боев за Мариуполь в Донбасс. Хотя, если перефразировать библейское изречение, — не словом единым: и продукты, и вещи, помогающие в быту, важны, жизненно необходимы, особенно в зонах гуманитарной катастрофы. Именно поэтому с поэтом, заместителем главного редактора журнала «Отечественные записки» Алексеем Шороховым и журналисткой арабской редакции информагентства «Россия сегодня» Жоржиной Дейратани из Сирии связались мы с бесконечными коробками и пакетами. Хотя и знали, что на российской таможене самодельные гуманитарщики не приветствуются. Чаще всего их разворачивают назад, поскольку с 2015 года считается, что подобная помощь должна поступать лишь через официальные каналы МЧС. Но иногда пограничники, если объемы груза невелики, смотрят на волонтеров снисходительно. В любом случае, есть у нас и «план Б». Если «гуманитарку» протащить через границу не удастся, можно будет оставить ее в одном из лагерей для беженцев в Ростовской области.

Мы отправились на двух автомобилях, до упора набитых продуктами и лекарствами. Жоржина на своем авто сопровождала нас лишь до границы, чтобы там передать часть груза знакомым военным.

У нас же с Алексеем, кроме цели привезти хлеб насущный прихожанам храма святителя Тихона Патриарха Московского в многострадальном поселке Зайцево в ДНР, была и другая — провести литературную встречу под эгидой Союза писателей России, передать книги и другие подарки из России для литераторов и библиотек города Горловки.

НА ВОЙНУ

Около 20 часов езды — сначала по привычно застопоренному МКАДУ, потом по напряженно пульсирующей трассе «Дон», затем по извилистым дорогам среди южнорусских полей — и вот мы под вечер приезжаем к пограничному пункту «Авило-Успенское» в народе называемом «Успенкой».

«Писатели?» — несколько озадаченно спрашивает пограничник на паспортном контроле. Я показываю разные сопроводительные документы, среди которых и письмо председателя Союза писателей России Н.Ф. Иванова, где он просит органы государственной власти оказывать содействие в осуществлении нами культурно-гуманитарной миссии. Немного посомневавшись, пограничники пропускают нас практически без досмотра. Наверно, наш внешний «писательский» вид говорит, что мы не похожи на тех, кто замышляет контрабандой провезти нечто противозаконное.

Жутко уставшие, но довольные оказываемся на территории недавно признанной Россией Донецкой Народной Республики. Но тут оказывается, что на дворе ночь, во рту маковой росинки и глотка кофе не было уже часов семь, идет дождь, а на разбитых донбасских дорогах в темноте и при плохом знании местности шансы оказаться в кювете резко возрастают. Сил добраться до Донецка, где мы хотели заночевать в гостинице, нет. Кое-как добираемся до Харцызска, километрах в тридцати от российской границы. Он считается городом в глубоком тылу, но тут уже отчетливо слышен гул артиллерийской канонады. Пожилой таксист советует нам ехать за ним — так он показывает дорогу к гостинице. Он — бывший ополченец с позывным «Копченый». Впрочем, в Донбассе теперь уже трудно найти мужчину младше 60 лет, кто хотя бы на недолгое время не брал в руки оружия с 2014 года. В гостинице мест нет, все занято военными, а частный сектор — беженцами из городов и поселков, которые находятся на линии огня. Делать нечего, обессиленные засыпаем в машине. Однако спокойно спать нам не дают, дважды проверяют документы. Мы не сердимся на военных, все понятно: война.

ПРОРЫВ В ГОРЛОВКУ

Утром, едва светает, едем дальше. Проездом оказываемся в Донецке. И сразу бросается в глаза, насколько изменился этот город. Последний раз я был здесь в августе прошлого года, и тогда по крайней мере в центре Донецка жизнь напоминала мирную. Сейчас людей на улицах меньше, то и дело слышатся «плюсы» (это когда орудия и реактивные системы залпового огня стреляют по нашим), и «минусы» — ответная стрельба защитников Донбасса. Постоянно срабатывает сигнал воздушной тревоги, на наших глазах сбивают беспилотник, в голубом небе от него остается лишь облачко.

На улице Университетской, где недавно от разрыва «Точки-У» погибли десятки людей, до сих пор на ступеньках блестят осколки разбитых окон и витрин. Цветов у злополучного банкомата уже не так много. Видимо, люди устали от потерь, чувство сострадания притупляется к исходу восьмого года войны. На треснувших стеклах свадебного салона на месте трагедии объявление: «Мы работаем». Надо жить дальше. У банкомата, совсем рядом в 10 минутах ходьбы от места разрыва «Точки-У», скопление людей. Получить «наличку» в ДНР не так просто. Сколько после того трагичного дня 14 марта, когда взорвалась ракета, говорили о том, чтобы банки приняли меры и запускали людей с улицы в офисы. Но... Наверное, это еще один признак русскости Донбасса — и здесь надежда на авось в ходу.

А еще дончане живут надеждой на скорую победу. «За восемь лет пора бы привыкнуть, но все равно бывает очень страшно, — признается пожилая жительница Донецка Александра Инщина. — Хотя даже тяжелей страха — дефицит воды. Дают на час-другой в день. И то — еле-еле. Надеемся на то, что скоро война прекратится, зла на простых мирных украинцев я не держу, и готова жить с ними в одном государстве, но только вместе с Россией».

На пустынной набережной отстраненный от происходящего неподвижно сидит Антон Павлович Чехов, вглядываясь в зябкую рябь Кальмиуса. «Да, — неожиданно думаю я, — он-то точно знает цену всем “отменяльщикам” русской культуры и думает о чем-то своем, неизмеримо более важном».

Пора в Горловку, куда мы возем гуманитарную помощь, купленную на пожертвования равнодушных жителей города Долгопрудного, а также священников и прихожан храма Смоленской Иконы Божьей Матери в Фили-Давыдково и Никола-Архангельского храма Балашихи.

По прямой от Донецка до Горловки совсем немного — минут 40–50 умеренно быстрой езды. Но дороги напрочь убиты, навигатор подвисает, а на блокпосту при выезде из Ясиноватой нам сообщают, что прямая дорога на Горловку закрыта — с утра ее регулярно обстреливают. Но ехать в объезд — большой риск заплутать и потерять полдня. Мы просим пропустить нас: самый опасный участок — всего километров 15, проскочим.

Что-то близкое и родное есть в усталых мужиках с автоматами в руках. Я любил этих, как правило, добрых, но готовых в любой момент принять бой людей с 2014 года. Наверное, и командир блокпоста чувствует в нас своих. «Ладно, — машет он рукой, — езжайте, только не говорите в Горловке на въезде, что вы через нас ехали».

Газую по пустой дороге, где на обочинах видны разбитые прямыми попаданиями обычные гражданские машины. В таких местах кожей чувствуешь сгустившуюся в воздухе опасность. Но вот что интересно: везде дороги разбиты, а на этом участке — почти без колдобин. Поэтому жму под 120 километров, не забывая иногда маневрировать то влево, то вправо, чтобы усложнить задачу украинским наводчикам и снайперам.

Под самой Горловкой с облегчением вздыхаем — обошлось.

Однако в городе опасности не меньше. Весь первый вечер в гостинице, где я остановился, стены дрожат от близких «прилетов». Один из украинских снарядов разрывается метрах в двухстах от меня возле памятника Героям горловского восстания. Стайка ребят, игравшая на площади перед памятником, разлетается, как испуганные воробьи. Упади снаряд чуть ближе, и жертв было бы не избежать. Человек не местный скажет, ну и чего дети делают на улице в такое время? Дескать, дома или по убежищам надо сидеть. И, возможно, будет прав. Но, с другой стороны, все детство нынешних маленьких горловчан проходит на фоне войны. Мне запомнилось, как священник храма Святителя Тихона, Патриарха Московского, отец Николай Марковский рассказывал, что его поразил запах плесени от детей, приходивших к нему на исповедь. Ведь им иногда сутками приходилось проводить в погребках и подвалах.

«Пора заканчивать эту войну. Отправлять тех, кто стреляет по мирным жителям, в объятия Бандеры», — зло думаю я, вдыхая резкий запах пороха. Тут же рождается поэтический экспромт.

УКРАИНСКИМ КАРАТЕЛЯМ

Вновь Горловку накрыли «Грады»,
Рванула в небе «Точка-У».
Ну, что ж, теперь держитесь, гады!
За Светлодарскую дугу!
За восемь долгих лет страданий
Мы поквитаемся сполна,
Карающей ракетной дланью
Вас в пепел превратит Война!

На город продолжают падать снаряды. Хотя, к счастью, в отличие от долгого периода недоброй памяти «минских» наши «минусуют» куда больше. Вроде бы у «укров» заканчиваются боеприпасы. Казалось бы, им надо беречь их для решительного сражения, а они лупят по мирным жителям, в своей животной злобе теряя всякую логику.

У ВОЙНЫ — СВОИ ЗАКОНЫ

На следующий день мы уже в многострадальном поселке Зайцево. В 2015 году война разделила его на две части. Здесь военные действия все это время не прекращались почти никогда. И также никогда не прекращались службы в храме Святителя Тихона, Патриарха Московского. Его настоятель, отец Николай Марковский, считает, что не имел права оставить свою паству в опасности без духовного окормления. Люди рады и благодарны нам за помощь, но многие не могут сдержать слез. Нервное напряжение велико — все ждут, когда же закончится война.

А обстрелы все не прекращаются и не прекращаются. Буквально накануне в самом центре поселка разорвалась украинская мина, в который раз за восемь лет повредив памятник героям Великой Отечественной войны.

«На той стороне каратели прямо говорят людям, что русскоязычные подлежат уничтожению, — рассказывает прихожанка храма Татьяна. — По сарафанному радио мы слышим, что в соседней Жованке грузинские наемники отравили воду в колодцах, не хотят отпускать людей из зоны боевых действий».

И все же после того как Россия открыто вступилась за Донбасс, стало легче. «Мы как дети радуемся, когда видим, что наши русские самолеты летят бомбить украинские позиции. Мы восемь лет этого ждали», — дрожащим голосом говорит Татьяна.

Отец Николай заранее предупредил нас, что в случае обстрела — разворачиваемся и уезжаем из Зайцева. Однако, к счастью, в это утро укры молчат. Мы вместе с прихожанами отстаиваем литургию. Изредка сквозь богослужебные распевы доносятся звуки наших работающих «Градов». Совершенно особое чувство близости Бога охватывает на службе, когда понимаешь, что вокруг — война.

Честно говоря, когда планировал поездку сюда, нарисовал в голове красивую картину: к нашему приезду Зайцево освободят, и мы с местными жителями пройдем по той земле, откуда на них бесконечно долгие годы летела смерть.

Нет, у войны свои законы. Но ведь должна уже, наконец, кончиться она! Отец Николай Марковский — интересный собеседник, яркая сильная личность. Мне уже не раз доводилось брать у него интервью. На их основе даже получился документальный фильм «Зайцево. Храм на линии фронта», вошедший в программу XXIV православного кинофестиваля «Радонеж». Вот и сейчас задаю ему несколько вопросов. Мне хочется понять, готовы ли местные люди вернуться в мирную жизнь после стольких лет войны.

«Мы очень сочувствуем тем, кто сейчас в Харькове, Мариуполе и других городах, куда пришла война, — говорит священник. — Но все-таки один-два месяца на войне и восемь лет, это разные вещи. У меня за эти годы множество знакомых погибло. И также мы все видели разорванных на части детей и сгоревшие дома. Вот и мою квартиру недавно повредил украинский снаряд. Чудом не пострадали мои дети. Мы понимаем, что после того, как война закончится, мы еще долго не сможем стать нормальными людьми, которые смогут жить обычной мирной жизнью. Должно пройти лет десять, а может, и больше, чтобы время залечило раны».

НИ ОДНОЙ ПРИДУМАННОЙ КРАСИВОСТИ

Сразу после Зайцева едем на литературную встречу в Горловскую библиотеку для юношества. Здесь проводим церемонию награждения победителей III Всероссийского поэтического конкурса «Донбасс никто не ставил на колени», организованного Союзом писателей России совместно с клубом «Словороссия». Будучи председателем жюри, вручаю победителям заслуженные награды. Лауреат конкурса в номинации «Русский Донбасс», горловский поэт, член Союза писателей России Александр Савенков говорит о неизбежности русской победы, потому что на нашей стороне правда.

«У моего отца самым страшным ругательством было слово бандеровцы, — вспоминает Александр. — Он был призван в армию после Великой Отечественной войны, и ему пришлось принимать участие в борьбе с этими бандитами. На мой взгляд, современные бандеровцы, пусть даже они по-русски говорят лучше, чем на мове, не могут считаться русскими, поскольку они предатели своего народа». Он также вспомнил наиболее трудный для Горловки период войны в 2014 году. «В моих стихах о военной Горловке нет ни одной придуманной красоты, — говорит поэт. — Я просто излагал в них то, что видел тогда, и это было без всякого пафоса страшно. Когда, например, видишь одинокую брошенную собаку на абсолютно пустой улице в полдень, а с окраин доносится грохот орудий. Но теперь, когда с нами такая великая страна как Россия, мы обязательно победим».

Когда говорят об ужасах войны, обычно рассказывают о человеческих жертвах, разрушениях. Но в донбасской войне порой страшнее обстрелов была постоянная, изматывающая души людей неизвестность. Восемь лет люди жили в страхе, что политическая ситуация в России изменится и они останутся совсем без всякой поддержки, один на один украинским нацизмом и стоящим за ним Западом...

Александр при своем подлинном таланте очень скромный человек. Только этим я могу объяснить, что он до сих пор малоизвестен даже в патриотических литературных кругах России.

Он читает стихотворение, в котором без пафоса, но с огромной внутренней силой запечатлена страшная атмосфера Горловки 2014 года.

К полудню город вымирает...
пустеют улиц рукава,
голодный пес бежит по краю
разбитых бордов в свой подвал,
и над цветочными рядами,
пугая брошенную тварь,
горящий тур сулит динамик,
глотающая полые слова...
И даже сизокрылых стая,
что с рук кормили час тому,
к полудню тоже отлетает,
как души в голубую тьму,
и солнце, медленно склоняясь
за горизонт в кровящих швах,
глядит, как призрак изменяет
своим привычкам и правам...
И с темнотою пустой и страшной,
жару сменившей на часы,
собачий вой, как в рукопашный,
идет движением косым...

Другой победитель конкурса в номинации «Русский Донбасс» — мой попутчик, Алексей Шорохов. Как признается он позже, ему, не обделенному литературными наградами, очень дорога и совсем небогатая по денежной составляющей премия, и та обстановка, в которой ее вручают — под грохот отдаленных оружейных залпов. К слову сказать, в Горловке действует запрет на проведение массовых мероприятий из-за обстрелов. Но нам разрешили в виде исключения провести встречу с ограниченным числом участников.

Алексей рассказывает о том, как старался всю жизнь быть верным памяти отца-фронтовика, читает свои военные стихи. Среди них — проникновенные «Качели», написанные в один из его приездов в воюющий Донбасс.

Снова в небо взлетает малыш,
На земле воцаряется тишь.
Ни разваленных миной домов,
Ни налившихся тьмой проводов —
Только тишь и малыш, и весна...
Почему ж твои ночи без сна?
Почему, прикрывая блокпост,
Он, не ты, поднялся в полный рост?
И теперь его юная мать
Будет в памяти долгой качать:
Сквозь года и стрельбу, и метель,
Раз за разом — пустую качель...

ОСВОБОЖДЕННАЯ ЗЕМЛЯ

«Вот тут они много лет стояли, обстреливали наш город», — показывает мне на прорытые в степи траншеи и доты местный житель, писатель Юрий Хоба.

То, что не получилось у меня под Горловкой — увидеть освобожденную от укронацистов землю — произошло под Докучаевском.

На юг Донбасса еду уже без Алексея Шорохова, которого позвали московские дела. Сейчас у меня главным образом волонтерская миссия — привезти гуманитарку в искалеченный, истекающий кровью Мариуполь. А Юрий Иванович вызвался быть моим проводником.

Свежих следов ожесточенных боев не видно на позициях под Докучаевском. Украинские каратели довольно быстро отступили в населенные пункты, чтобы там обороняться, прикрываясь мирными жителями. Первое село, освобожденное от ВСУ, которое мне довелось увидеть — Бугас. Тут особых разрушений не видно. Село основали переселенцы из Греции, и до сих пор большинство жителей считает себя потомками эллинов. Если бы не огромная очередь у поселкового совета за пенсиями, ничто, на первый взгляд, не напоминало бы о войне.

Совсем другая картина — Волноваха. Уже на окраинах чувствуешь запах пожарищ. Хотя основные бои здесь закончились несколько недель назад, этот горький запах войны так и стоит над городом. В частном секторе хозяева домов, где просто вылетали окна или пробило крышу, считаются счастливыми.

Жизнь медленно пытаются налаживать. Рабочие из Донецка латают трубы, чтобы пустить по ним газ.

«В частном секторе скоро пустим, тут не так сложно, — говорит мне один из рабочих. — А вот в центре, там непонятно, что делать, многие дома разрушены так, что их сносить надо, какой там газ...»

Мы едем в центр. Одно дело видеть разруху с экрана монитора или телевизора, и совсем другое — своими глазами. Подобные разрушения мне доводилось видеть в 2014 году в Луганске и станице Луганской. Но там все же их концентрация была меньше. Здесь же проломленные снарядами стены, из-за которых выглядывают чьи-то разрушенные кухни и спальни, приводят в состояние близкое к отчаянию.

Удивительно среди разрухи видеть почти не пострадавший памятник с советским танком на пьедестале. Прошедший через Великую Отечественную танк уцелел и в новой войне.

Замечаем группу людей с метлами и лопатами.

«Работы нет в городе, на бирже труда всех отправляют на расчистку завалов. Обещают 11 тысяч заплатить, а уж как там будет, не знаю», — говорит местная жительница.

Ее муж Роман согласился рассказать на камеру о том, как вели себя украинские каратели в Волновахе.

«Специально ездили между домов на танке и стреляли, провоцировали “ответку” со стороны солдат ДНР и России, — ровным голосом говорит он. — Когда уже нашу часть города освободили, они стреляли по всем домам, где шел дым из труб. У меня трое детей, я печку разжег, чтобы их согреть. И вскоре мина пробила крышу. Чудом никто не погиб. Младшей дочери два года. Она до сих пор, как слышит громкий звук или просто проезжающую по улице машину, прячется с головой под одеяло, пытается «укрыться» от войны. Недаром украинские военные говорили, что, уходя, оставляют не город, а лунный кратер».

Я смотрю в лица жителей Волновахи и вижу, что душой они еще там, в недавно пережитом аду. Рассказал Роман и о том, как укронацисты заперли 70 человек в подвале.

«Они сидели там много дней, еда и вода закончилась, — вспоминает мой собеседник. — И вот какие-то волонтеры привезли к этому подвалу пару мешков картошки. Оставили недалеко, к самому подвалу побоялись подойти, потому что думали, что он заминирован. Трое наших ребят выбежали. Их тут же накрыло снарядом с той стороны, где ВСУ стояли. Двое на месте погибли, а у одного осколок

прямо под сердцем застрял. У меня теща врач, она перевязала его, но осколок побоялась вытащить. К счастью, через несколько дней парня удалось отправить в Донецк в больницу. Осколок вытащили, он жив».

Заходим в разбитый прямыми попаданиями Преображенский храм. Жутко. Как раз в это время там находят воткнувшийся в стену хвостовик мины. Он может взорваться, зовут саперов МЧС, которые как раз рядом. Хвостовик вытаснен, к счастью, опасности не представляет. А саперы работают дальше, наблюдаю, как они без особых церемоний ломом выковыривают из земли неразорвавшийся снаряд...

Раздаем Роману и нескольким прихожанам храма гуманитарку. Люди радуются каждой банке тушенки или макарон. Честно говоря, было у меня предубеждение, что жители, обработанные украинской пропагандой за восемь лет, будут к нам враждебны или настороженны. Но увидел я обычных русских людей, попавших в беду.

Идем в школу № 5 Волновахи. Известна она тем, что здесь на днях прозвенел первый звонок. Да, именно таким образом здесь в апреле начали отсчет новой эпохи. Дело в том, что отныне обучение в школе будет идти на русском языке. Украинские учебники уже сданы в архив, из Донецка привезены новые.

Электричества в школе нет, холодно, дети сидят в уличной одежде, но слушают внимательно. Первоклашки по слогам прилежно пытаются читать Корнея Чуковского. А роль звонка исполняет колокольчик, с которым пожилая женщина обходит этажи, где идут занятия.

«Эта школа мало пострадала от обстрелов, — рассказывает нам учитель истории Елена. — Поэтому сюда теперь привозят детей из разных концов города и района. И учителей из разных мест сюда перевели. У нас сейчас сокращенные занятия. Ребятам из младших классов даем задания и тут же стараемся, чтобы они под нашим присмотром их сделали. Потому что дома, у кого сохранился дом, нередко нет условий для учебы».

Некоторые учителя в школе сами остались без крыши над головой, живут пока в уцелевших жилищах выехавших соседей и не знают, как быть дальше.

— Ну, а как настроены к России после того, как 8 лет промывали мозги? — спрашиваю я Елену.

— Конечно, в старших классах нам приходилось на уроках истории рассказывать об «агрессии России» и «оккупации Крыма». Но дома ребята слышали другое. В основном у нас хорошее отношение к России. Да, есть те, кто за Украину. Но таких немного. У меня вон на жилом доме «патриоты» большой трезубец нарисовали. Хотя мы были против, но нас никто не спрашивал».

Но сказать о том, что восемь лет пропаганды не оставили следа нельзя, конечно.

«Один украинский военный уверял меня, учителя истории, что князя Александра Невского воспитали в Золотой Орде и он был за монголов против Киевской Руси, представляете, — горько улыбается Елена. — Я ему говорю, а ничего, что в 1240 году, когда монголо-татары еще только брали Киев, Александр тевтонских рыцарей уже громил?!»

Говорить о том, что в Волновахе уже наступила мирная жизнь, рано. 14 апреля из Мариуполя сюда прорвалась группа украинских боевиков. Их отлавливают в окрестных лесах, и потому так много стоит на дорогах блокпостов, где без конца проверяют у нас документы и осматривают машину, несмотря на московские номера. Впрочем, мы относимся с пониманием к этим мерам и угощаем бойцов заранее припасенными пачками сигарет. Снабжение военных на блокпостах организовано, прямо скажем, не очень.

ГОРОД В ОГНЕ

Наша следующая цель — Мариуполь. Горько смотреть на обочины дороги, тут и там разбитые гражданские и военные машины. У одного нашего подбитого танка со снесенной башней бойцы ДНР откручивают какие-то запчасти. Пригодятся для танка, которым управляют сами.

Подъезжаем к очередному блокпосту.

— В Мариуполь? — удивленно спрашивает боец. — Нет, уже несколько дней туда не пускают никого, «азовцы» прорываются, бои по всему городу вспыхивают. Только на выезд дороги открыты».

А как же быть с гуманитаркой? Я знаю, что там ее очень ждут. Юрий изучает бумажную карту, которая в таких местах, где война и никакого интернета, самый надежный советчик.

«Давай попробуем через Кальчик проехать, — подумав, говорит он. — Если уж там не получится, придется поворачивать назад».

Мы едем какими-то глухими, разбитыми дорогами. Машины с буквой Z то и дело попадают нам навстречу. В одном месте через Кальмиус приходится проехать по мосту без ограждений. Две неширокие железные колеи и между ними пустота. Чуть свернешь в сторону — и полетишь с пятиметрового моста в воду. Но обошлось. Проезжаем Талаковку, въезжаем в Сартану, тут уже слышен грохот канонады из Мариуполя, колонны военных стоят вдоль машин, с интересом провожая взглядами мою «Ниву-Шевроле» с московскими номерами. Однако никаких блокпостов. Тут уже война в режиме онлайн. Так вот через Сартану мы въезжаем в Мариуполь, прямо к заводу Ильича, где еще добивают укронацистов. С нашей стороны грохочет «тяжелое» совсем рядом. Дорога усеяна осколками и перебитыми проводами «высоковольтки». Навстречу попадают местные. Видно, что они, взвинчены, не в себе.

«Расскажите, расскажите всему миру, как в нас украинцы стреляли, — кричит женщина. — У нее вот бинокль, они с девятого этажа хорошо видели, как “азовцы” били прямо по домам... Мы только обижаемся на то, что нас восемь лет назад не освободили...»

Мужчины почти все обросли бородами — больше месяца не брились, сидя в подвале. Кругом — апокалипсис, разрушенные дома, раскуроченные машины. Но меня почему-то больше всего поражает разбитый трамвай. Что-то такое из времен Великой Отечественной войны чудится в этом.

Позднее приходят ко мне строки об увиденном в Мариуполе.

Как над городом Мариуполем
Затерялась моя звезда...
Я не знаю, смешно ли, глупо ли
Было рваться сквозь смерть сюда.
Знаю — стены домов обугленных
В память врежутся навсегда,
Будут судьбы людей погубленных
С фотографий шептать: «Беда».
Не исправить беды тушенкою,
Что тяну я, как скудный дар...
Жутко воет душа собачонкою
На сжигающий небо жар.

Но как же быть? Дорога прямо усыпана осколками и кусками разорванного железа. Проехать в ту часть Мариуполя, где, я знаю, ждут помощи, невозможно. Того и гляди пробьешь шины. Да и водитель машины с московскими номерами — желанная цель для снайперов. Посоветовавшись, решаем с Юрием раздавать гу-

манитарку здесь. Сейчас весь город — зона гуманитарной катастрофы. Скоро стемнеет, людей на улицах почти нет. Однако видим какого-то мужичка с тележкой.

— Гуманитарка? Конечно, нужна, мы ведь тут месяц сидим, доедаем запасы, к нам никто еще не доезжал сюда.

— Тогда бегите, зовите местных.

— Одну минуту, ребята...

Через несколько минут нас уже обступают изголодавшиеся люди с тяжелым запахом давно не мытых тел.

«Дайте мне еще банку тушенки, у меня, вот видите, рана, — показывает женщина действительно большой вспухший рубец на руке. — Мне близких кормить надо».

Суем в протянутые руки консервы, пачки с макаронами и крупами. В какой-то момент уже трудно сдерживать слезы от того, как искренне благодарят измученные люди за эту скромную помощь.

За пять минут все разобрано.

«Вы москвич? — подходит ко мне мужчина лет пятидесяти. — Я в Советской Армии еще служил. И хочу сказать, что наша столица — не Киев, и даже не Донецк. Наша столица — Москва. Передайте поклон Москве от меня».

С беспокойным сердцем покидаем мы Мариуполь. Ведь наша помощь — это капля в море. Сколько еще придется вложить сил, чтобы наладить в городе мирную жизнь и залечить раны войны. Догоняем автоколонну бойцов ДНР. Мне вспоминается 2014 год. Ребята с автоматами выглядят из-за брезента, многие без касок и бронежилетов. В колонне помимо военных грузовиков какие-то старые раздолбанные «газели» и легковушки. «Видимо, выводят из-под Мариуполя, — предполагает Юрий. — Тут бои заканчиваются, перебрасывают куда-нибудь на другой фронт. Эх, ребятки, дай Бог вам уцелеть в этой мясорубке...»

